

УДК 342.7

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И «СЕПАРАТИСТСКИЕ» ТРЕБОВАНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Дегтярев Александр Константинович	доктор философских наук, профессор кафедры «Социология и психология», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Россия, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132). E-mail: socis_srstu@mail.ru
Черноус Виктор Владимирович	кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: kavkazdon@mail.ru

Аннотация

Статья содержит положение о правах человека как фундаментальном принципе западной правовой мысли, который подвергается эрозии под влиянием концепции мультикультурализма. Авторы статьи считают, что толерантность как формула терпимости к культурным различиям в трактовке мультикультурализма утверждает обоснованность и правового неравенства социальных индивидов, и создает ситуацию конструирования особых коллективных прав, распространение их на этнос и преимущество титульной нации. Поэтому, заключают авторы статьи, культурные притязания, права этносов могут трактоваться только как право на культурные различия в сфере соблюдения гражданских прав личности.

Ключевые слова: *права человека, коллективные права, меньшинства, мультикультурализм, толерантность.*

Права человека активно используются в качестве идеологического постулата в современной политической жизни. Именно трактовки и интерпретации прав человека вносят раздор и непонимание в отношения на межгосударственном уровне. Заявка на универсальность прав человека означает и веру в единство человеческого рода, и в то, что человеческая природа содержит неотъемлемое свойство к самосохранению и социальности. Это положение выработано в философии эпохи Просвещения, однако признание общества мультикультурализма означает конец безусловной уверенности в аксиоматичности прав человека.

К такому выводу стимулирует ситуация «правовой коррупции», влияние на состояние прав того, что американский исследователь С. Бенхабиб называет притязаниями культуры. В этом смысле демократическое равенство всех культурных форм самовыражения [1, с. 4]. противоречит универсальности права, реально делая последствием «право» на нарушение и отступление от права. Культурные различия определяют легитимацию выбора прав, определение того, что соответствует культурным нормам и того, что не может быть воспринятым для применения в рамках определенного культурного сообщества. Видный теоретик толерантности М. Уолцер признает, что в толерантности и защите мы нуждаемся и как граждане государства, и как члены групп – и еще как лица, чуждые и тому, и другому [2, с. 106]. Группы, обладающие выраженной идентичностью, претендуют на независимую от авторитета права оценку прав человека.

Двойственность предлагаемой М. Уолцером конструкции состоит в том, что права человека разделяются на права гражданина и права культурной общности. Следовательно,

встает во всей обозримости риск эрозии первичности прав человека, поскольку коллективистские права или права общности имеют не просто различия по объему влияния и предназначения: в одобрении права на культурное разнообразие содержится обоснование желательности множественности трактовок прав человека. Вероятно, эту опасность чувствует С. Бенхабиб, когда думает об универсалистской перспективе, переносит на группы предостережение определенных выгод в общество [1, с. 191]. Отличительной особенностью концепции прав человека в ее классическом варианте можно считать принятие «индивидуности» прав, их безусловность по отношению к этническим, культурным, профессиональным различиям. Европейцы, утверждая единство человечества, вынуждены были либо осуществлять правовой «патронаж» отсталых народов либо конструировать расизм, ограничиваясь оценкой «иног» варварским [3, с. 70–75].

Историк науки Р. Смит пишет о том, что формулировка и обоснование правовой идентичности и различия строились на допущении предположения о человеческом неравенстве, неважно в каком виде это представлялось, незрелости народов или «рабской» природе [4, С. 74-75]. Признавалось, что существует реальное деление на разумные и неразумные народы, что требовало переопределения универсальности прав человека. Если «дикарь» имеет права как индивид, не является ли нарушением универсальных принципов отказ в благо права на основании приписывания к «отсталой» общности? Если европейцам казалось самоочевидным, что иным народам не хватает разумности, права человека становились дискриминирующим обстоятельством: разрушался принцип правового равенства, правосубъектности, что делало возможным применение произвола и ограничение свободы этнических и культурных общностей, не характеризующихся как принадлежащих к европейской культуре.

Приравнивание прав человека к «способности» действовать и мыслить разумно означало, во-первых, что нормы, устанавливающие границы применения права, согласуются с представлениями о нормальном человеке. Во-вторых, если область, в которой человек чувствует себя неприкосновенной личностью, изменяется под влиянием «триумфа» культурной привилегированности, не дана гарантия того, что права человека неукоснительно соблюдаются. В-третьих, возникает запрос на приватизацию прав человека, присвоение в качестве инструмента достижения групповых целей. Это предполагает, что культурное разнообразие становится мощным аргументом в пользу «дивидности» права. Как следует из вышесказанного, отменяется необходимость рассматривать права человека основой построения правовой системы.

Приверженность к определенной трактовке прав человека звучит слишком уверенно, чтобы сослаться на простоту и самоочевидность разногласий в этой сфере. Допущение в качестве правовых регуляторов норм шариата в социально-бытовой сфере, которое предлагается для реализации идеи общества мультикультурализма, не является утверждением культурного разнообразия: исходная позиция представляет собой «договор» о равенстве возможностей «нарушать» или «соблюдать» права человека, переводя в режим конвенциональности. Философы эпохи Просвещения испытывали беспокойство по поводу расхождений между пониманием права как свидетельства «естественного» порядка и отношением к праву как творению несовершенного человека [4, с. 60].

Выход из положения виделся в том, чтобы допускать законы как сформулированные на основе обычаев, что делало оправданным их оценку в соответствии со схемами мышления. Права человека основывались на интуитивном представлении о самосохранении человека, но когда речь шла о социальности, разумность становилась «отрицанием» обычая. Независимо от того, какие традиции и обычаи разделялись людьми, отнесение к роду человеческому предполагало принятие солидарной позиции по поводу того, что можно квалифицировать как приоритетность права.

В результате осмысленно утверждалась изменчивость социальности, то есть переинтерпретации прав человека в конкретном социально-историческом контексте. Ввод формулы

мультикультурализма можно считать признанием двойственности права, если бы следствием не являлось понижение постулата разумности человека до понятия рациональной выгоды [5, с. 82]. Принятие соображений о правах человека как первичном благе делает их подверженными ситуативной логике: можно, таким образом, требовать соблюдения прав для реализации не демократических, содержащих риск попрания прав человека целей.

Культурное разнообразие нуждается во всеобщем политическом представлении о правах человека как первичном благе, что поддерживает их нерушимость. Эту мысль высказывают сторонники общества мультикультурализма, что требует от них некоторой «схематизации», не отступая от приоритета прав человека, через автономизацию и индивидуализацию устройства личной жизни поддерживать идею постепенной ревизии прав. Отождествление культурной идентичности с выбором в сфере культурных норм помогает сохранить индивида, но оказывается опасным для неразличения притязаний на правовую исключительность и культурную самобытность.

Немецкий философ Ю. Хабермас отмечает, что под видом критики репрессивного характера разума можно предвидеть целесообразность отказа от универсальности права [6, с. 41]. Если культурные притязания связаны с требованием введения принудительной нравственности, уступки «меньшинствам» могут не повлечь позитивное участие. Вполне высок риск диктата меньшинств, которые выступают организованной массой по отношению к правовым индивидуалистам. Иными словами, за культурными притязаниями может проглядывать уверенность в «правильности» требований безусловного уважения обычаев и традиций в ущерб предполагаемой взаимной терпимости.

Со сменой парадигмы естественного порядка, естественного закона, характеризующей просвещенческую философию, в правовой мысли невольно проблематизируется разумность человека. Речь идет о том, что не возникает прямых оснований прав человека, кроме как опора на традиции и обычаи. Следовательно, права человека могут обсуждаться в контексте культурного разнообразия, когда в «сухом остатке» можно говорить о универсализме прав человека чисто как о формальном принципе.

Это означает, что аргументируется «искусственность», по существу ссылка на неотъемлемость прав содержится в исторических прецедентах, опыте политических изменений. Англосаксонское право, несмотря на «естественный» закон человеческого общежития, определяется политической традицией. Хорошо это или плохо для обоснования прав человека, видно из того, что современная либеральная мысль на Западе признает в качестве закрепления прав человека институты гражданского общества. Именно с этим связывается теория общественного договора, включающая права человека как аксиоматическое утверждение. Другими словами, согласие в обществе не возможно, если не достигнута правовая равносубъектность.

Концепция общества мультикультурализма снижает планку требований, поскольку позитивным значением обладает взаимная терпимость. Очевидно, осознавая этот факт, М. Уолцер пишет о том, что наш выбор никогда не определяется единым универсальным принципом. Не случайно он признает, что «любое поползновение, связанное с переносом элементов культуры меньшинств в сферу общественной жизни, как правило, вызывает тревогу у представителей большинства» [2, с. 41-42]. Если подвергнуть сомнению культурные претензии в качестве политических требований, беспокойство вызывает не сам по себе факт сопротивления культурной ассимиляции или необходимости политического представительства и участия. Очевидно, что культурные «меньшинства» могут «перевоплощаться» в субъекты коллективных прав и, таким образом, полагать, что коллективная воля имеет несравненно существенное значение по отношению к правам отдельного индивида. Проблема заключается и в том, что «большинство», действуя по формуле прав человека, не в состоянии обосновать коллективную позицию. М. Уолцер переносит критику на национальное государство, в котором меньше простора для проявления различий, чем в империях [2, с. 43]. В этом аспекте его позиция не представляется достаточно обоснованной, поскольку

права человека неотъемлемы от национального государства в том значении, что определяются статусом гражданства. Империя как политико-государственное образование, даже если и связана с «монархическим» правом, трактует право единоличного правления на основаниях «божественной воли». Поэтому не осознается проблема мультикультурализма и культурных меньшинств. Культурная автономия понимается как повод для передачи политического представительства «избранным», элитам, действующим в установленном порядке имперского единства.

Принимая такие соображения, можно сделать вывод о том, что общество мультикультурализма порождается двумя обстоятельствами. Во-первых, невозможностью реконструкции имперского опыта в условиях диаспорности меньшинств, отсутствия территориального статуса. Во-вторых, мультикультурализм артикулируется в контексте гражданского общества, права выражать культурные различия и признавать культурную идентичность. Сложность ситуации с правами человека возникает по причине принятия прав человека как возможности действовать в режиме правового абсентеизма. Если полагать, что «меньшинства» все-таки не являются нациями или народами, не существует иной альтернативы как конструктивистской. Данная интерпретация означает, что права меньшинств «изобретаются» ценой противоречия с естественностью и укорененностью прав человека, признание гражданского статуса не содержит императивности коллективной идентичности, представители меньшинств, осознавая принадлежность к общности по культурным сходствам и различиям, действуют как отдельные индивиды. Приоритет коллективности формируется на основе квазигражданских структур, так как меньшинства не фиксируют внимание на правах человека как таковых.

Это признает и С. Бенхабиб, когда пишет о том, что радикальный мультикультурализм или то, что называют мозаичным мультикультурализмом, ошибочен и в эмпирическом, и в нормативном плане [1, с. 9]. Если отстаивать позицию исключительно культурной самобытности, то неизбежными являются осознание и реализация жестких культурных разделений, что ставит под сомнение идеалы свободы и справедливости. Градация мультикультурализма на умеренный и радикальный свидетельствует о том, что «культурные притязания» содержат сепаратистские требования, могут переноситься на «неприятные» для государства явления как политическая нелояльность и политический абсентеизм. «Меньшинство» со временем может стать большинством, но в отличие от гражданского большинства, ориентированного на уважение прав человека, отстаивать правовую суверенность, свободу от обязательств перед национальным государством. Можно вообразить, что амбиции меньшинств простираются вплоть до создания собственного национального очага и «вытеснения» тех, кто квалифицируется «иным».

Разумеется, неизбежны разногласия по поводу того, как могут трактоваться права человека. Но очевидно, что мультикультурализм не ограничивается абстрактным провозглашением равенства культур и правом на культурную самобытность. Принцип равного отношения к людям подразумевает представительную демократию, считают либералы [5, с. 61]. При этом не замечается противоречие между правом быть «самобытным» в частной жизни и гражданином в публичной сфере. Для меньшинств, если принята политика аффирмативного права, самобытность обретает политический смысл, действует по схеме нарастания притязаний. Если бы проблема ограничивалась установлением правил взаимной терпимости, для этого не требовалось бы создавать условия благоприятствования для выразителей культурных притязаний. Важно создавать интеллектуальный банк идей и смыслов, текстов культуры интеграционных обществ, а не воспроизводящих новые этнокультурные границы [6].

Ю. Хабермас понимает представленную ситуацию так, что эгалитарный универсализм, подразумевающий включение в систему «иног» на равных правах содержит вызов мультикультурализму [7, с. 303]. Им предлагается рецепт гражданской солидарности, свободный от симбиоза государства с нацией: чтобы избавить «иных» от стремления к созда-

нию «нации» и тем самым не ставить под угрозу существование конституционного государства, гражданская солидарность включает культурные различия. Это утверждение повторяет аргументы философии Просвещения о единстве человеческого рода через культурное разнообразие. Однако национализм ведет родословную от притязаний на культурную самобытность, что прояснила гердеровская концепция национального романтизма. Следовательно, нахождение равновесия между универсальными правовыми принципами и культурной самобытностью является «зыбким», требует допущения культурных притязаний только как индивидуального выбора.

Если следовать сформулированному утверждению, для мультикультурализма не остается шанса настаивать на правах меньшинств, даже если допускать право на объединение. Само собой нельзя ожидать, что разумность человека из политической риторики превращается в явный инструмент контроля культурных притязаний, исключает возможность понимать права человека вне обязательств и ответственности.

Следует иметь в виду, что критика сепаратистских требований мультикультурализма не означает абсолютизацию прав человека, которая может легко превратиться в инструмент политического давления и дискриминации. Если анализировать европейскую правовую мысль, то существенным представляется принцип формального равенства, что и делает культурные притязания не подлежащими отрицанию в последовательности понимания индивида. В этом смысле мультикультурализм нельзя считать обоснованием коллективизма как противоположности экономическому индивидуализму западного общества. Если и можно говорить о «миссии» мультикультурализма, то только в том, что культурная самобытность может предвещать неприятие глобализации, эффектов культурного и политического нивелирования, бюрократизации права и непрозрачности принимаемых политических решений.

Согласимся с тем, что претензии либеральной теории права обосновать гражданскую солидарность для изменения жизни к лучшему выглядят абстрактными [8, с. 114]. Следует однако учитывать то обстоятельство, что если принять в качестве верного утверждение о том, что права человека могут быть инструментом «худших» намерений, теряется смысл права для принципа равного отношения к людям. К тому же, в современном либерализме вполне осознается аргументация выгоды, того, что права человека не обладают безусловным значением и нуждаются в подкреплении осознанием возможных благ.

При этом существенное значение имеет то, что культурные меньшинства наделяются свойством неведения, то есть не определяют значение прав человека по отношению к собственному социальному и политическому статусу. С этим связывается определенная неумеренность их требований, как это представляется «большинству». Другими словами, культурные притязания могут быть артикулированы в публичной сфере с целью воспользоваться правами человека как безусловным благом.

Можно сделать вывод о том, что общество мультикультурализма ориентирует на признание гражданского статуса на основе культурной идентичности. Об этом свидетельствует тот факт, что внедряемый режим толерантности означает недостаточность принципа самоуважения: равноправие в обществе мультикультурализма обеспечивается градацией культурных притязаний. Так как предполагается существование групп, наделенных особыми правами, у большинства право на самобытность не признается. Здесь наиболее важным представляется не только то, что права человека трактуются избирательно, но и то, что на уровне публичной сферы право на культурную самобытность становится более значимым по сравнению с другими политическими и гражданскими правами.

С.Г. Ильинская указывает, что в Советском Союзе сложилась общественная модель терпимости, стремившаяся сохранить имперский стиль сосуществования сообщества [8, с. 210]. В этом значении концепт мультикультурализма представляется искусственным, не соответствует положению, в котором культурные притязания связаны с культурной гомогенностью, общим символическим языком. Кажущийся парадокс спонсирования этнической

самобытности в советский период «разрешается» в том, что культурная самобытность не имела характера притязаний, а напротив, выявляла переход к общеполитической, общегражданской идентичности. Очевидно, что опыт разделения на публичную и частную сферы в европейской правовой традиции не мог получить одобрения по той причине, что права человека интерпретировались как возможности утверждать социальность. Можно говорить о том, что не возникала ситуация конкуренции культурных образцов и, следовательно, переноса культурных притязаний в политическую сферу, поскольку политическая (публичная) сфера содержала вектор единства.

В советский период вместо модели мультикультурализма предлагалась формула «советского народа», в которой культурные различия определялись как желаемые для моральной легитимации проблем, которые не вменялись в практики правоприменения. Иными словами, культурные притязания не принимали форму политико-правовых требований: национальные культуры определялись логикой политической лояльности. Следовательно, не могло возникнуть требование особых коллективных прав на основе культурной идентичности.

Так как в начале 90-х годов XX века была принята модель прав человека для согласования этнокультурных отношений, можно говорить о том, что обязательные правовые нормы вступали в противоречие с коллективными практиками, с тем, что относилось к сфере обычая и традиции. В условиях архаизации социальной жизни и выбора в пользу этнонациональных и «родовых» идентичностей речь шла об опыте «возвращения к культуре», ситуации, в которой сформировались культурные притязания в виде права «выбирать право». Это находило и находит отражение в «дискриминации» прав человека в пользу локальных культурных кодексов. Существующий нейтралитет между государственными структурами и агентами повседневных практик поддерживается соображениями политической стабильности и ухода от правовых конфликтов.

Реально это не самое лучшее решение замещения или «замораживания» конфликтов, но, если считать, что модель прав человека, заимствованная из правового либерализма, не работает ни в условиях общества мультикультурализма, ни в ситуации архаизации, неизбежен компромисс официального правового дискурса и неправовых форм разрешения конфликтных ситуаций, преподносимых в форме «столкновения» культурных притязаний. Внедрение концепции мультикультурализма в российском обществе может иметь последствиями, во-первых, переинтерпретацию прав человека как прав меньшинств, что очевидно чревато конфликтами по поводу разногласия ценностей. Во-вторых, на роль меньшинств могут претендовать «этноссы», что при господстве этнократии становится сильным аргументом «ревизии» права, возведения в абсолют прав «титულიной» нации.

Дело в том, что права меньшинств в концепции мультикультурализма экстерриториальны, не содержат права на национальное самоопределение, территориализация этничности в советский период содержала риск сепаратизма, но мультикультурализм может действовать для обоснования «самобытности» действующего права. Это имеет место тогда, когда на практике реализация культурных притязаний связывается с изменениями в трактовке прав человека на основе соответствия сложившимся представлениям и оценкам права.

Следует заметить, что принятие формулы толерантности как схемы «погашения» конфликтности культурных притязаний в реальности усиливает тенденцию эрозии права, поскольку набор возможностей правового регулирования переходит в сферу компетентности культурных меньшинств. Как признает М. Уолцер, общество способно достичь уровня терпимости, если силы входящих в него сообществ находятся в состоянии, близком к равновесию, но национальное государство, в котором баланса сил нет, по определению не потерпит некоторых обычаев [2, с. 76]. Очевидно, что концепция мультикультурализма конфликтна по отношению к национальному государству, в котором права человека трактуются как права граждан.

В определении российского государства как многонационального есть противоречие между гражданской интерпретацией прав человека и «допустимостью» квалификации прав, исходя из традиции права. Если ориентироваться на принятие многонационального народа как правового субъекта, необходимо полагать, что права человека требуют достижения социального и морального консенсуса, исключающего интерпретацию прав в пользу отдельного «этноса». Подобная аберрация возникает потому, что этнократия расположена к получению двойственного преимущества, связанного с дивидендами от правосубъектности на уровне национально-территориальных образований (республик), и от конвертации культурных притязаний в коррекцию прав человека под видом соответствия традиции [9, с. 105–116].

Полагая, что концепция мультикультурализма может иметь позитивное значение для интеграции иммигрантских сообществ в одном смысле, принятии определенного уровня толерантности в период адаптации к принимающему сообществу, культурные притязания могут выражаться как право на реализацию культурной самобытности в рамках единого политико-правового пространства. Это означает, что по существу права человека могут быть рассмотрены в связке с обязанностями, с тем, что, действуя как обладатель прав, социальный индивид не только руководствуется логикой уважения прав других, но и оценивает собственную правоспособность с мерой правового равенства.

Статус меньшинств, основанный на культурных притязаниях, опасен тем, что создает прецедент «первенства среди равных», то есть преференции и уступки тем, кто обосновывает собственное положение необходимостью поддержания культурной самобытности. Можно вообразить ситуацию, в которой социальные индивиды ориентируются на изобретение и конструирование традиции с целью использовать ресурсы права. В такой ситуации статус меньшинств подходит не только представителям иммигрантских сообществ, но и сторонникам различных субкультур. Поэтому важно помнить, что права человека, если имеют моральные последствия, то в том, что характеризуется как выбор свободных и рациональных людей [5, с. 126].

В таком случае устанавливается сфера согласия относительно того, что свобода понимается в позитивном смысле как свобода для коллективной деятельности, рациональность предполагает, что человек действует, исходя из презумпции «душевной гармонии», по крайней мере, воздерживается от претензии на правовое неравенство. Концепция мультикультурализма не содержит данных требований, легитимирует асимметричность обязательств: большинство, не обладающее культурной самобытностью, обязано быть толерантным даже в тех случаях, когда практикуемые традиции и обычаи содержат элемент диффамации или могут вызвать ущемление индивидуальных прав.

Осознавая, что дело не только в заинтересованности этнократии, можно сделать вывод о стратегии обоснования и реализации прав человека как имеющей безусловность формулы равенства прав и равенства перед законом. В этом смысле важно, чтобы гарантом прав человека выступало государство, в ином случае господствуют представления о возмездии или восстановлении справедливости. Опыт внедрения мультикультурализма убеждает в необходимости «развести» права человека и культурные притязания: индивидуальные права могут трактоваться расширительно в целях нейтрализации чувства дискриминации, возникающей вне принятия возможностей реализовать и защитить собственные права. Также мультикультурализм в контексте баланса сил в российском обществе обязывает государство действовать в однозначном соответствии с базисными правовыми нормами.

Включение в общественную жизнь «меньшинств» определяется логикой закрепления гражданства, перевода культурных притязаний в наращивание потенциала гражданских прав личности и повышения заинтересованности в принятии схемы гражданской ассоциации и гражданского действия, партнерства с российским государством в разделении сфер ответственности реализации индивидуальных и коллективных прав.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязание культуры. М., 2003.
2. Уолцер М. О терпимости. М., 2000.
3. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Западная социальная мысль: комплекс культурного расизма и русофобии // Философия права. 2012. № 2. С. 70–75.
4. Смит Р. История гуманитарных наук. М., 2008.
5. Современный либерализм. М., 1998.
6. Крамарова Е.Н. Издательство М. и В. Котляровых: двадцать лет формирования историко-культурного образа Кавказа // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 193–200.
7. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
8. Ильинская С.Г. Толерантность. М., 2007.
9. Кашаф Ш.Ф. Национализм в современной России в рамках дискурса о гражданской, этнической и религиозной идентичности в мусульманских регионах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С. 105–116.

Degtyarev Alexander Konstantinovich, Doctor of Philosophy, Professor of humanitarian «Sociology and Psychology»; Platov South-Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnic Institute) (36, Atamanskaya str., Novocherkassk, 346418, Russian Federation).

E-mail: socis_srstu@mail.ru.

Chernous Victor Vladimirovich, Candidate of Political Sciences, Professor, head of the department of conflictology and homeland security of Institute of sociology and regional studies; Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).

E-mail: kavkazdon@mail.ru.

HUMAN RIGHTS AND “SEPARATIST” REQUIREMENTS MULTICULTURALISM

Abstract

This article contains a human rights clause as a fundamental principle of Western legal thought, which eroded under the influence of the concept multikulturalizma. The authors believe that the formula tolerance tolerance for cultural differences in the interpretation of multiculturalism affirms the validity and legal inequities of social individuals, and special design creates a situation of collective rights, spread them on ethnicity and the advantage of the titular nation. Therefore, conclude the authors, cultural claims, rights of ethnic groups can be interpreted only as the right to cultural differences in the civil rights of the individual.

Keywords: human rights, collective rights, minorities, multiculturalism, tolerance.

References

1. Benhabib S. Prityazanie kul'tury. M., 2003.
2. Uolcer M. O terpmosti. M., 2000.
3. Degtjarev A.K., Chernous V.V. Zapadnaja social'naja mysl': kompleks kul'turnogo rasizma i rusofobii // Filosofija prava. 2012. № 2. S. 70–75.
4. Smit R. Istorija gumanitarnyh nauk. M., 2008.
5. Sovremennyj liberalizm. M., 1998.
6. Kramarova E.N. Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh: dvadcat' let formirovanija istoriko-kul'turnogo obraza Kavkaza // Gumanitarij Juga Rossii. 2013. № 3. S. 193–200.
7. Habermas Ju. Politicheskie raboty. M., 2005.
8. Il'inskaja S.G. Tolerantnost'. M., 2007.
9. Kashaf Sh.F. Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii v ramkah diskursa o grazhdanskoj, jetnicheskoi i religioznoj identichnosti v musul'manskih regionah // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2013. № 4. S. 105–116.